

Мое мошенничество

Общение со взрослыми все чаще разочаровывало меня. Не такие они вовсе, какими хотели представить себя. Мало интересного могла я почерпнуть из женских бесед: утомительные разговоры о нарядах и мужчинах, будто бы сохнущих по ним. Могу поклясться, что это им только казалось, никто не сох по ним, я сама тому была свидетелем.

Мужские разговоры о путешествиях, иных странах волновали меня куда больше. Ведь я люблю запахи не только незнакомых городов, но и улиц, куда нередко забредала. Меня впечатляли речи мужчин о различных способах добывания денег, а на дорожку они обычно одаривали друг друга уморительными анекдотами.

Я тихо посмеивалась над веселыми историями, подражая забавникам, потешала нашу детвору услышанным. Мы, дети, тоже собирались вместе, как взрослые, стелили на балконе скатерть, рассаживались полукругом, и застолье начиналось. Приходили мы не с пустыми руками: родители давали нам что-нибудь вкусное, и не было ничего веселее наших пирушек. Я вам могу показать фотографию тех лет. Та, что поменьше всех, с растрепанной головой и улыбающаяся – я.

Самым интересным лицом у нас во дворе был дед Андрюши. Звали его все почтительно: дед Карапет. В солнечные дни он неподвижно грелся на тахте во дворе под окнами своей комнаты, ни к кому не обращаясь, ни на кого не глядя. Он все думал, думал, шевеля губами, как будто прожевывая свои столетние думы, обращаясь в мыслях к тем, кто был отнят у него Временем. Янтарные бусы четок в его подрагивающих худых пальцах терпеливо перекатывались целый день и были, по сути, его единственными собеседниками, им он изредка ронял что-то глухим, бесцветным голосом. Многотрудные размышления дедушки прерывались, когда невестка приносила ему нехитрую снедь. Дед безропотно ел, пил, медленно вытирал губы рукавом рубахи и вновь устремлялся в думы.

Мы вежливо здоровались, заговаривали с дедушкой, а он не отвечал нам, продолжая время от времени что-то шептать своему прошлому. Нас не смущало его присутствие, при дедушке мы были очень откровенны – как не доверь такому молчуну! Наши детские тайны оберегались от посягательств взрослых. Но в последние дни кто-то нас усердно предавал, и во дворе происходили неприятные судилища.

- Кто доносчик? – тревожно спрашивали мы друг у друга. Все пожимали плечами.

Тогда Гена шепнул нам, что это дедушка Карапет вовсе не дремлет, а подсматривает за нами и вечерами все пересказывает Гениной маме.

Вот оно что... Понятно... Мы строго и многозначительно посмотрели на Гену, то смешался, боязливо глянул на нас, покраснел. С тех пор взрослые больше ничего о нас не знали.

Раз, незаметно приблизившись к беседующим мужчинам, я услышала историю их общего знакомого, который разбогател, весело плутуя. В голосах собеседников я уловила одобрение и зависть. Но один из говоривших добавил, что в таких делах надо совесть потерять. Рассказ этот запал мне в душу. Ах, как мне хотелось стать такой же, чтобы о моих проделках говорили с восхищением. Для начала требовалось позабыть совесть и научиться обманывать... Ради богатого будущего я была готова на все. Зачастила в кинотеатр совершенно бесплатно, прошмыгнув мимо не очень бдительных контролеров, и говорила дома, что играла у подружек. Мне верили - я хохотала в душе. Сдачу от покупки хлеба успешно прикарманывала, уверяя, что ее недодали в булочной. Покупала жареные семечки, сахарных петушков на палочке и ликовала, пируя в одиночестве. Триумф был полным, когда я съела одна, без хлеба целый полукруг колбасы, сообщив взрослым, что ею бессовестно угостилась соседская кошка, и хорошо, что я, мол, вовремя оттащила ее, а то бы она набросилась на сырое мясо, что лежало на тарелке. Поверили мне и тут. Я же немела от восторга к себе. Как ловко я одурачила взрослых!...

Вышла на улицу со счастливым чувством одержанной победы. Солнце улыбалось и подмигивало мне всюю, но им хрипло возражали осторожные вороны.

Однажды вечером, когда взрослые, считая меня уснувшей, отправились в кино, я решила, что пробил долгожданный час моих странствий. Подумано-сделано. Я открыла ставни окна, выбралась на улицу и стала быстро убежать, чтобы никто меня не успел остановить. Вот ведь как оказывается, хорошо пахнуть цветы вечерами в парке, а некоторые спрятали свои головки в зелени листвы. Посеребренные луной деревья и кусты задумчиво-красивы, вовсе не такие, как днем. Сейчас я сокрушалась, что совсем не принарядилась, а народ, гуляющий в парке, хорошо одет, просто назло мне. Мне стало стыдно, что я в домашнем платье, стоптанных туфлях на босу ногу, с лохматой головой и без своих любимых розовых бантиков.

Тетя Надя, соседка наша, выгуливая неподалеку собачку, удивленно воскликнула: «Что ты делаешь тут одна?» Какой она показалась мне противной: лезет не в свое дело...

Было в парке большое количество деток, которых потчевали внимательные к их желудкам родители то пирожным, то мороженым. Я приближалась к ним, улыбалась им ласково и нежно, чтобы меня угостили, но этим буржуа такая мысль даже не приходила в голову.

Они меня будто не замечали. Дальше не помню, что со мной было и когда меня сморил сон. Но на меня набрел милиционер, и вся эта история закончилась плачевно.

Так была поругана моя мечта об одиноких странствиях. Но осталась другая – плутни.

На улицах, когда мы вечерами прогуливались с родителями, торговцы громко нахваливали свои печеные каштаны, вареную чудесную кукурузу, всевозможные восточные сладости, которые готовились собственноручно. Вкусные запахи сводили с ума. Как тут устоять?

Отстав от родителей, я подбежала к торговке каштанами. Протянула ей обертку от конфет, выдав ее, пользуясь темнотой, за рубль и взяла пакетик чудесных каштанов. Догнав родителей, я перебила их беседу и протянула им в угощение каштаны, радостно сообщив, как они были добыты. Мама руками всплеснула:

- Ты что, аферистка, что ли? Таких, как ты, в тюрьмы сажают!...

Папа рассердился, повел меня, яростно сопротивляющуюся, к той торговке, заставил вернуть все каштаны и извиниться. Дрожащим от слез голосом я призналась в своем подлоге и просила меня простить. Я думала, что ее умилило мое раскаяние. Но нет. Разъяренная торговка встала со стульчика, затопала на меня ногами, выкрикивая всякие нехорошие слова, и швырнула вслед смятую обертку. Со мной в тот день никто не разговаривал.

Ночью я прорыдала все свои грехи: не хочу быть обманщицей, не хочу богатеть за счет других и, если Бог простит меня, - клялась я – никогда не буду мошенничать. Ну их, этих взрослых. Не буду больше слушать их дурацкие разговоры, а тем более – подражать им...

Олененок и чертенок

Дорога в это азербайджанское село была сплошь затенена деревьями. Ветер время от времени перебирал разомлевшую от солнца листву. Радовала молодая нежная трава, какая бывает в самом начале лета... Пылающие огнем маки пьянили ароматом. Задумчивая дорога, уводящая в лес, пестрела многочисленными навозными нашлепками.

Село мне понравилось сразу. Я тут же стала разминать ноги после долгой, изматывающей езды на телеге, волы в этот раз были ленивы как никогда, колесо отваливалось раз десять, словно сговорившись с волами. Нет слов, на машине удобнее ездить, - но и так, в конечном счете, можно добраться до места.

Обход села я начала, пока родители занимались приготовлениями к концерту, на котором собирались впечатлить новыми иллюзионными трюками благодушных сельчан. Для начала я отправилась в сад перед клубом, поиграла с перышками от птиц: они мне заменяли игрушки, своей пышностью напоминали сказочных принцев и принцесс, я бормотала от их имени всякие любезности, придумывала разные истории, связанные с ними. Осколки от бутылок с переливами различных цветов на солнце восхищали меня так, что трудно было дышать: они напоминали мне драгоценности из сказочных пещер.

Потом меня увлекли муравьи. Они сновали в этот солнечный день бесконечными рядами. Оказывается, когда они встречаются друг с другом, то здороваются. Я заметила, что, встречаясь друг с другом, они останавливаются на какую-то долю секунды, словно приветствуя, потом снова спешат по своим муравьиным делам. Любопытство меня завело дальше, к чайхане, где дымились на огне самовары, мерно раскачиваясь своим огромным переполненным брюхом.

К деревьям были привязаны измученные ослы, о своих бедах они кричали всему миру, но ни кто их не жалел и не понимал. Чем же я могла помочь им? Я положила перед каждым немного травы – и все.

Войдя в чайхану, я увидела, что с потолка чайханы свисали липкие ленты с прилипшими к ним наиболее наивными мухами. Мушиный геноцид был неполным, и остальные мухи назойливо жужжали и садились, куда хотели.

Чай был чудо как хорош в маленьких изогнутых стаканчиках, сахар же, мелко наколотый, в темных от долгого пользования блюдечках, был в точках от мушиных следов. Рядом со стаканчиками стояли тарелочки с каким-то заманчивым кушаньем. Когда я подошла поближе, то оказалось, что это набухшие в чае крошки хлеба.

В тот день в чайхане было особенно оживленно. Мужчины обступили подслеповатого певца.

Ашуг, прикрыв глаза, играл на таре и пел о герое, который преодолел много препятствий, чтобы жениться на девушке, подобной луне.

Песня затрагивала мужские сердца, и умиленные слушатели покачивались в такт музыке, лица со сдвинутыми бровями изображали сочувствие герою, а на самом интересном месте песни мужчины прищелкивали своими сухими темными пальцами, выкрикивая одобрение ашугу. Мне тоже песня понравилась, но надо было уходить, уже темнело.

После концерта мы удостоились высокой чести: нас пригласил в гости председатель колхоза, представительный, мохнатобровый мужчина в каракулевой шапке. Пока родители обменивались любезностями с семьей председателя, я разговорилась с его

дочерью в саду перед домом. Старшая была одного со мной возраста и ходила в первый класс.

Младшая, судя по всему – озорница и любимица отца, вначале очаровала меня тем, что забавно двигала бровями, а затем и головой, как индианки в танце. Потом она показала мне куклу. Потребовала, чтобы я с ней поздоровалась, пожав ее крохотные пальцы, сказала, что куклу зовут Лала, она с ней не расстается даже ночью. Куклу ей подарили в день рождения. Их с сестрой комната находится совсем отдельно от взрослых, потому что она так пожелала, а отец все делает так, как ей хочется.

Говоря об этом, она улыбнулась гордо, а затем, понизив голос, сообщила о своей встрече в лесу с чертиком, который поманил ее пальцем. В это время ее старшая сестра отвела меня в сторону и шепнула, что «чертик» - это колхозный пастух, который примечателен своими густыми нечесаными волосами. Лохмы пастуха пугают ее сестричку, и она боится, что он уведет ее от родных в лес.

Я устала от всех этих сообщений и хотела убежать в сад, отдохнуть в беседке среди яблоневых деревьев, но оказалось, что младшая сестра еще не все мне рассказала и, выждав еще немного, после моих перешептываний с ее старшей сестрой, похвалилась, что ей подарили олененка, которого выловили в лесу.

Я не была слишком уж снисходительной слушательницей и выразила свои сомнения в правдивости ее слов. Но это оказалось правдой.

Вечером любезный хозяин повел нас в комнату для умывания и показал притихшего олененка, добавив, что он – собственность его младшей дочери.

Только вот есть помеха: каждый день мать олененка подходит к воротам их дома, зовет своего детеныша, но не может же он огорчить свою дочь – отпустить олененка. Нет, он не может расстроить свою дочь. Потом в их доме уход за олененком, хороший корм...

Папа задумался и помрачнел, обводя глазами комнату, где в большом количестве висели фотографии родственников хозяина с хмурыми застывшими лицами.

Папа за ужином был не так речист как обычно. Я заметила, что он слушает разгоряченных беседой местных философов не так уж охотно. Беседа протекала без огонька. Чувствовалось, что мысли моего папы заняты чем-то другим.

Рано утром папа выглянул в окно и показал нам мать-олениху, которая стояла с невыразимой тоской у ворот председательского дома.

Папа пошел в комнату для умывания, отвязал вздрагивающего от малейшего шороха олененка и выглянул во двор, чтобы выйти с ним к матери-оленихе.

А тут, откуда ни возьмись в такую рань, вышла во двор младшая дочь хозяина. Ей не спалось: она всюду искала свою любимую куклу, которую оставила во дворе. Наконец

кукла нашлась, она лежала на табурете и была засыпана яблоками и листьями, сбитыми ночью порывистым ветром. Взяв куклу, девочка не спешила уходить, и это рассердило папу, который боялся свидетелей. Но не мог же он из-за нее отказаться от намеченной цели. Папа вернулся в комнату, где мы находились, облачился в темный широкий халат, на голову надел парик, который иногда надевала мама, чтобы изменить внешность и выдать себя за другую ассистентку.

Потом папа, вспомнив о том, как маленькая девочка испугалась лохматого пастуха, растрепал парик как можно больше. Выйдя с олененком во двор, папа подошел к замершей от страха девочке и сказал измененным голосом, что он черт и пришел из лесу за олененком, что ей следует молчать и не выдавать этой тайны. А если она проболтается, - тут он закашлялся, - то он вернется за ней. И не видать тогда ей своих родных. Ей будет так же плохо в лесу, как и олененку у них.

Девочка попятилась и испуганно поклялась, что ничего никому не скажет. Потом она бросилась бежать с куклой к себе в комнату. Папа быстро подвел олененка к матери. Прижавшись друг к другу, олени понеслись прочь от села, поднимая за собой облако пыли.

Когда папа вернулся и рассказал нам обо всем, мама упрекнула папу за то, что он напугал хозяйскую дочь. Я была другого мнения: так ей и надо. Не было у меня никакого сочувствия к этому маленькому деспоту. Ни о каком детском союзе не могло быть и речи. К тому же мне не нравилась ее манера вести себя так, будто все ей чем-то обязаны, должны любоваться ею и угождать. А за что?

Хозяин дома всполошился, обнаружив пропажу олененка, дипломатично спрашивал нас, не забрел ли олененок к нам, но папа только руками разводил и утверждал, что не видел его. Возможно, дети сжалились над несчастным животным и отпустили его. Хозяин решительно отверг это предположение. Тогда папа сказал, что, возможно, олененок был слабо привязан веревками к столу, он несколько раз дернулся, веревка отвязалась – и все ... А дверь в это время, возможно, была открыта, потому что кто-то из нас рано вышел во двор подышать свежим воздухом.

Оставались неясности в папиных доводах, но хозяин сделал вид, что поверил, потому что долг гостеприимства – прежде всего.

Зато папа за завтраком был неотразим, показывал хозяевам в утешение фокусы, а нам он шепнул, что он восстановил справедливость.

«Владелица» олененка была задумчива, молчалива. К всеобщему удивлению, она встретила известие о побеге олененка без истерики и сказала, что, быть может, за ним мать-олениха кого-то прислала.

Потом она вышла во двор и скопившуюся злость вымещала на беззащитных курицах, бросая в них то мелкие камушки, то песок, то мячики.

Куриц рассердило такое отношение к ним, и они обиженно раскудахтались, разбежались кто куда.

Скомканные стихи

В коридоре забеспокоилась, а потом и залаяла собака. Громко хлопнула входная дверь.

«Пришел Олег, - подумала Лида, - интересно в каком настроении он сегодня?»

В последние два месяца муж грозно хмурился по самым пустячным причинам, ко всему цеплялся. Все ему было не по вкусу, он казался огорченным, ушедшим в свои мысли. Лида все чаще старалась по выражению лица мужа догадаться о его настроении: доволен он или еще что-то не так.

«Ну ясно, ничего хорошего и этот вечер не сулит», - пробормотала она, встретившись глазами с насупленным мужем. Он бегло поздоровался, вошел в ванную комнату, долго отфыркивался, умываясь, затем медленно, словно нехотя подошел к обеденному столу, где его с некоторой тревогой ждали жена и двое детей. Словно посторонний человек придвинул к себе блюдо с печеной рыбой и стал медленно жевать, будто и не чувствуя вкуса еды. А ведь Лида особенно старалась угодить мужу, надеясь вызвать улыбку удовольствия на лице мужа.

- Олег, что-то на работе стряслось? – спросила Лида. – Может, я смогу тебе помочь чем-нибудь?

- Успокойся. Все нормально. Денег на расходы семье не станут меньше, - усмехнулся Олег.

Это было в пятницу вечером. А в субботу, в нерабочий день, когда Лида допытывалась, куда все-таки делись его улыбки и жизнерадостный смех, даже дети стали его сторониться... Олег, отмахиваясь от ее попыток обнять его, устало проронил:

- Понимаешь, - из наших с тобой отношений ушла загадочность, поэзия, романтика. Жизнь стала скучной, как в застоявшемся колодце.

Лида постаралась все обратить в шутку, но Олег не расположен был длить беседу. Вскоре после завтрака он уединился у себя в кабинете и часа три что-то торопливо записывал на листках бумаги.

О том, что же происходит в душе Олега, Лида знала. Ее знакомые, работающие с мужем, донесли ей с некоторой долей злорадства, что Олег по уши влюбился в новую сотрудницу, приехавшую из какого-то южного города с мужем и десятилетней дочерью. Звали ее Дорой Ахназаровой. Это была высокая красивая блондинка с необычной судьбой. Она в первый же день работы разболталась, посвятила сотрудниц в историю ее жизни. Дело в том, что она ушла от первого мужа, страстно полюбив своего начальника, который однажды на лестнице голосом, вибрирующим от сдерживаемой страсти, признался ей в любви. Пришли бессонные ночи, тупая одурь, истерики по любому пустяку. Затем она ушла с дочерью от мужа, объяснив ему ситуацию. Любимый человек расстался с женой, и они стали жить в квартире ее матери. Но, как оказалось, ее новый муж перестал ею восхищаться, чувство, оказывается, иссякло, а она, глупая, поддалась его приманкам, и это произошло почти сразу, стоило им зарегистрировать отношения в загсе. Оказывается, его влекла она, когда была недосыгаема, замужем за другим человеком, а так она перестала его волновать... Стало слишком очевидным его охлаждение. Уезжал новый муж в спешке куда-то, даже не посвящая ее в свои дела. А когда узнал, что она ждет от него ребенка, заявил, что не собирается взвалить на себя еще такую обузу, спровоцировал разрыв. Пришлось избавиться от второго ребенка. Вот тогда она с дочерью затосковала по первому мужу. Стала звонить ему, просить прощения. Муж простил. Она развелась со вторым мужем и снова вышла замуж за своего первого... Но, чтобы свекровь не попрекала ее, они решили переехать в другой город. Теперь все они живут в крохотной квартире ее неженатого младшего брата. «С тех пор,- шутила Дора, - я решила только играть в любовь, давать волю чувствам – губительно и опасно и, как говорится, от добра добра не ищут»...

В воскресный день Олег не стал засиживаться дома, а после завтрака куда-то укатил на своей машине. Лида, убирая в кабинете Олега, нашла несколько скомканных листков бумаги в корзине для мусора. Распрямив бумажные листки, Лида стала читать стихи, написанные рукой ее мужа. Это была страстная исповедь влюбленного человека. Крик души, раненной любовью... Читая стихи Олега, Лида с удивлением обнаружила, какой на самом деле интересный мир у ее мужа, как он тонко все подмечает и чувствует... как он беспомощен перед неожиданной страстью и только творчество стало ему подмогой... Да, Лида почувствовала укол ревности, но без желания скандалить, устраивать мужу безобразные сцены и потешать соседей за стенкой бесплатным

семейным спектаклем. Она аккуратно сложила листки бумаги и спрятала в своем шкафу. Нет уж, она из-за любовных порывов мужа не собирается разрывать с ним свои отношения, делать несчастными Ваню и Ольгу. Она вспомнила свое безрадостное детство в маленьком чукотском поселке. Ей было восемь лет, когда умерла от туберкулеза ее мать, когда-то красивая и веселая, вечно напевающая песни на чукотском языке. Мать спилась, это ей категорически запрещали врачи, говорили, что спиртное ускорит ее конец. Мать невесело смеялась, говорила, что так лучше, не будет больше душа гореть и страдать. Потом Лида узнала, что мама очень переживала от неразделенного чувства к одному женатому мужчине. Горькая любовь матери трагическим образом отразилась на судьбе Лиды. Осиротевшую девочку взяла к себе жить бабушка, которая не особенно баловала ее. Дома всегда было неуютно, бабушка неохотно готовила, все время ворчала, что им вдвоем на пенсию не прожить. Не спасала и самая суровая экономия. В старших классах школы Лида вставала очень рано, выбегала во двор, рылась в мусорных ящиках в поисках еды. Найдя куски хлеба, она долго мыла их под краном, затем разрезала на мелкие кусочки и поджаривала на сковородке с солью. Получались аппетитные сухарики. Лида рано научилась готовить вкусно из очень простых продуктов, заедая суп этими самыми сухариками. Испытав унижения, она мечтала о том, чтобы создать хорошую семью, клялась себе, что она не позволит своим детям жить в такой страшной нужде и отчаянии. Окончив школу, Лида поступила в институт на заочное отделение в Москве. Когда она училась на втором курсе, внезапно умерла бабушка, оставив ее совершенно одну на этом свете. Лида стала еще больше читать, работать над собой, мечтая уехать из этого надоевшего ей поселка. Как-то в Москве после сессии она с подругами решила отметить удачную сдачу экзамена в кафе. Она была весела, радовалась, что сумела вырваться из глубинки и сейчас сидит с подругами в столичном кафе. Вдруг она заметила, что ее с большим интересом разглядывает какой-то молодой человек. Она ему улыбнулась как знакомому и продолжала беседовать с подругами. Когда она собиралась выйти из кафе, к ней подошел этот молодой человек, протянул листок с номером телефона и попросил позвонить, если вечером найдется время. Время нашлось. Так она встретила со своим будущим мужем Олегом и стала жить в Москве. Господь помог ей, подарив мужа и чудесных деток. Она работает учительницей в школе, преподает русский язык и литературу. Все в ее жизни сложилось как нельзя хорошо. Разве она имеет право после всего пережитого в детстве поддаться эмоциональным вспышкам?

Прошло еще несколько дней, в мусорной корзине Лида находила еще немало смятых листков со стихотворениями, из которых она понимала, что чувство мужа все еще

неразделенное, а ему тяжело от непонимания. Лиду удивляло, что муж так опрометчиво бросает скомканные листки бумагу в корзину, не рвет в клочья, не сжигает написанное, не пишет в компьютере, а по старинке, как было в школьные года (он об этом как-то рассказал ей) пишет и, излив душу, все написанное бросает в корзину. О том, что жена может быть слишком любопытной, ему, как видно, не приходило в голову.

Олег похудел, стал увлекаться ездой на велосипеде. Теперь он тщательнее выбирал одежду перед уходом на работу, от него стало хорошо пахнуть одеколоном.

Раздался телефонный звонок, и в трубке заговорила Люда, коллега мужа, которая часто приходила к ним по праздникам со своей семьей. Она стала вкрадчивым голосом расспрашивать Лиду о самочувствии. «Вряд ли забота обо мне – настоящая причина для звонка», - с усмешкой подумала Лида. И, в самом деле, как бы между прочим, Людмила стала рассказывать Лиде о том, что Олег умолял Дору бросить семью и уехать вместе с ним в другой город, где живут его родные, начать новую жизнь. Дора смеялась, говорила, что устала от всяких экспериментов, хочет спокойной жизни с ребенком и мужем, а он просит ее подумать и делает ей дорогие подношения. Дора хитрит с ним, подарки принимает, но держит Олега на расстоянии. О своих разговорах и встречах с Олегом Дора, глупая башка, рассказывает всем на работе. Ха-ха... Потом сплетница решила, что этого мало и решила донимать Лиду советами, но Лида поблагодарила Людмилу за звонок и сказала, что ей многое известно, но она не собирается ломать стулья и посуду.

Муж в тот день пришел домой поздно, был какой-то потускневший, подавленный, а ночью вдруг захотел близости с Лидой, хотя в последние недели под разным предлогом уклонялся от этого. Лида ночью, зная, что он думает вовсе не о ней, а о Доре, испытала острейшее наслаждение и удивилась своим ощущениям. Что за извращение такое?...

Однажды Олег после обеденного перерыва раньше обычного вернулся на работу. Он, по заведенному порядку, обедал где-то неподалеку от работы, а в тот день он наскоро проглотил кекс с теплым чаем в буфете и поспешил к себе в кабинет. Олег постоял у двери, где сидела Дора с сотрудницами, и вдруг услышал свое имя, а затем раздался громкий смех. Веселый, торжествующий голос Доры, оповещал всех слушающих о любовных переживаниях Олега, передавал девушкам подробности их вечерней встречи в кафе. Дора, опьяненная общим вниманием говорила, что этот зануда подарил ей тоненький золотой браслетик.

- Покажешь? – спросила одна из работниц.

- Завтра на работу приду с браслетиком... Терпеть его не могу, а подарочки люблю...

- Так им мужикам и надо. Молодец, Дора, - похвалила ее старая дева по имени Нюра.

Олег раскрыл дверь, оглянул Дору презрительным взглядом, потом перевел взгляд на растерявшихся сотрудниц и неспешно прошел в свой кабинет.

С тех пор началась новая пора для Олега: надо было залечивать душевные раны. Он стал находиться где-то между бодрствованием и сном... Новые скомканные листы со стихами рассказали Лиде, как тяжело сейчас ее мужу, но он старается перебороть себя. Самые последние стихи были о померкших надеждах, гложущих чувствах. Тот насмешливый смех Доры с сотрудницами заставил его иначе взглянуть на предмет своей любви, сбросить ее с пьедестала. Странно было то, что Лида жалела мужа и испытывала к нему чувство сострадания, вместо злорадства...

Между тем близился день рождения Олега. Лида пригласила как-то к себе в гости, когда муж был на работе, знакомую поэтессу Татьяну, показала ей перепечатанные стихи мужа, просила немного их откорректировать. Она замыслила ко дню рождения мужа издать сборник его стихов на свои средства, этак, экземпляров десять. Татьяна знала довольно сложную ситуацию в семье Лиды и удивлялась ей: ты что так возишься со своим мужем? Гони его в шею... Знаешь, что я сделала, когда рассталась со своим вторым мужем? Приняла ванну с душистыми травами и поняла, что за чудо быть свободным человеком. Потом, поняв, что Лиде ее нравучения не по душе, придвинула к себе ближе стихи Олега и стала их внимательно читать.

Стихи понравились Татьяне, она перестала подшучивать над автором, отметила задушевность стихов, искренность и красивый слог, кое-где были недочеты, и она поработала над ними около часа.

- Молодец Олег! Да он у тебя настоящий поэт...

В это время, пока Лида готовила угощение гостье, из раскрытой форточки прилетели мухи, стали жужжать и кружиться над разрезанным пирогом с джемом. Потом они на лету соединились в одно целое.

- Хорошо им, не нужно ничего объяснять. Бац, и они стали парой...

-А сколько одиноких мух летает, ты что не замечала? – засмеялась Лида.

В день рождения Олега Лида испекла торт, состряпала вкусную еду. Дети тоже не остались в стороне, приготовили отцу подарки, написали много теплых слов на поздравительной открытке. Лида купила мужу французскую туалетную воду, преподнесла ему, а затем с некоей торжественностью положила на стол перед Олегом десять экземпляров поэтических сборников в красивом переплете. Сборник назывался «Скомканные стихи». Олег удивился, вспыхнул от радостной неожиданности: как

красиво смотрится его имя на обложке книги - Олег Запольский... Затем с радостным нетерпением полистал книгу, прочитал несколько строк, смутился, посмотрел в глаза Лиды, еле слышно спросил: ты знала обо всем?

- Выходит, знала... Бог помог нам избежать разлада. Чувства уходят, написанное остается. Таков закон творчества...